

Три года назад Фу Яньлинь, прихватив с собой лишь один чемодан и гитару, отправился в долгожданное путешествие в Юньнань.

Когда он приземлился в Лицзяне, его внезапно охватило сильное головокружение: перед глазами всё поплыло, мир вокруг закружился, и он едва сумел удержаться на ногах. Прожив почти тридцать лет на равнине, он оказался совершенно не готов к коварству горной болезни. Знаменитому артисту пришлось поспешно снять маску и попытаться сделать глубокий, жадный вдох, чтобы получить хоть немного этого разреженного, скудного кислорода. Он осторожно приложил руку к груди, проверяя пульс: наручные часы беспристрастно показывали частоту сердечных сокращений в 120 ударов в минуту.

Долгая и изнурительная дорога вымотала его настолько, что голова казалась налитой тяжелым свинцом, а от постоянной, изматывающей тряски в машине его тошнило. Автомобиль смог довезти его лишь до самых ворот древнего города. Фу Яньлинь смиренно вздохнул, подхватил свой чемодан и привычным движением закинул гитару на плечо. Колёса чемодана с раздражающим грохотом катились по неровным каменным плитам, словно вторя его внутреннему недовольству и бесконечным, тяжелым вздохам. Он снова натянул маску на лицо.

- Красавчик, прошу прощения, очень извиняюсь! - гостеприимная хозяйка, завидев гостя, поспешила ему навстречу. - Путь был неблизкий, я всё прекрасно понимаю. У нас тут весь город - пешеходная зона, так что с чемоданом ходить тяжеловато. Вам стоило позвонить мне заранее, и я бы обязательно прислала кого-нибудь с тележкой!

Фу Яньлинь лишь отмахнулся. В его взгляде читались глубокий холод и запредельная усталость, но, столкнувшись с такой чрезмерной, почти навязчивой любезностью, он был вынужден натянуть вежливую, хотя и бледную улыбку:

- Не нужно, не хочу никого беспокоить.

- Ой, да что вы, какое там беспокойство! - воскликнула она. - Тут на каждом шагу постоянные дворы, а то, что вы выбрали именно нас - это настоящая судьба. Раз пришли, значит, теперь друзья. Сяобэй, принимай гостя! - хозяйка зычным, пронзительным голосом крикнула, задрала голову в сторону второго этажа, который располагался через небольшой внутренний дворик.

Фу Яньлинь поднял взгляд и увидел, как из деревянного окна второго этажа выглянуло невероятно юное и красивое лицо. Мальчик слегка прищурился, встретившись с ним любопытным, живым взглядом, и хитро, почти лукаво улыбнулся. Его кожа не была бледной; напротив, сам он, купаясь в золотистых лучах солнца, напоминал драгоценный кусок янтаря, густо пропитанный сладким медом.

«Мо Сяобэй? Тот самый озорник из „Ву Линь Вай Чжуань“? И это имя носит парень?» – Фу Яньлинь удивленно приподнял брови, и в его глазах наконец промелькнуло искреннее, живое любопытство.

Вдруг послышалось ритмичное: «Топ-топ-топ». Юноша стремительно сбежал по скрипучей деревянной лестнице:

- Иду-иду! – Мо Сяобэй широко улыбнулся, помахал Фу Яньлиню и, проявив удивительную расторопность, ловко выхватил у него из рук чемодан. – Здравствуйте, меня зовут Мо Сяобэй. Сразу уточню, чтобы не было путаницы: я не Сяобэй, что значит «маленькая ракушка», а Сяобэй – «маленький север». Я здесь волонтер, в основном готовлю еду и помогаю с уборкой номеров. Пройдемте со мной.

Фу Яньлинь кивнул. Он всегда был немного замкнут в общении с незнакомцами и не совсем знал, как правильно реагировать на подобную навязчивость, но и проявлять открытую холодность ему не хотелось. Поэтому он сухо и несколько неловко поблагодарил:

- Хорошо, Сяобэй.

Однако, то ли из-за того, что путунхуа Фу Яньлиня было не самым идеальным, то ли Мо Сяобэй просто ослышался, но он снова принял обращение на свой счет, решив, что его поправили. Ему пришлось лишь беспомощно вздохнуть:

- Я же сказал, я Сяобэй, а не Сяобэй!

- Ладно тебе, этот господин Фу из Гонконга, прости его, – вернулась сестра Чэнь, закончив оформление заезда. – Ты разве не замечаешь, что я тоже странно говорю?

Она вернула Фу Яньлиню паспорт, вручила ключ-карту, не забыв при этом по-доброму подколоть Мо Сяобэя, а затем снова зычным голосом поспешила на зов другого гостя.

Фу Яньлинь тяжело вздохнул. Ему показалось, что голоса Мо Сяобэя и хозяйки вместе звучали как оглушительный грохот поезда, проносающегося прямо у него над ухом. Однако он остро подметил одну странную деталь: как только Мо Сяобэй услышал, что он приехал из Гонконга, его отношение на мгновение стало заметно холоднее, а сам он притих, словно кто-то внезапно нажал кнопку выключения. Но Фу Яньлиню было слишком лень размышлять об этом – он был окончательно утомлен.

Затем Мо Сяобэй, больше не говоря ни слова, потащил его чемодан по крутой, жалобно скрипящей лестнице на самый верхний этаж, прямо к номеру.

- 302, вот здесь. Проходите, - Мо Сяобэй усмехнулся, открыл дверь и занес чемодан внутрь.

Фу Яньлинь вошел и медленно огляделся. Номер был небольшим, оформленным в теплых древесных тонах и заставленным кучей пестрых местных украшений. В и без того тесном пространстве стоял даже громоздкий бамбуковый торшер, из-за которого с открытым чемоданом было практически не развернуться. Хотя мягким декором и пытались скрыть явные недостатки, было очевидно, что общее состояние номера оставляет желать лучшего: он сразу заметил глубокие царапины на чайном столике и серый, плохо вычищенный ковер.

Он распахнул маленькое окно и посмотрел вдаль, но увидел лишь крошечный, едва заметный уголок снежной горы Юйлун. Фотографии на рекламном сайте и суровая реальность напоминали лапшу с говядиной «Кан Шифу»: мясо там вроде как и полагалось быть, но на деле оно встречалось лишь в виде крошечных, почти незаметных кусочков. Фу Яньлинь в этот момент очень хотел сбежать, но высокая цена и специфическая китайская добродетель - «раз уж приехал издалека, надо остаться» - заставили его смириться с положением дел.

Фу Яньлинь окликнул Мо Сяобэя, который уже собирался уходить, и снял маску:

- У вас тут нет телефона? Как мне заказать обслуживание номеров?

Мо Сяобэй на мгновение замер, совершенно замороженный безупречно красивым лицом Фу Яньлиня. Хотя сам вопрос показался ему донельзя нелепым - этот «молодой господин» явно приехал из огромного мегаполиса и по какой-то причине принял этот крошечный, скромный частный гостевой дом за роскошный пятизвездочный отель, - он всё же терпеливо и спокойно ответил:

- Просто выйдите в коридор и крикните в сторону двора. Стойка администратора находится как раз напротив. Звукоизоляция здесь, мягко говоря, плохая, так что нас слышат абсолютно все.

- А, вот оно что, - кивнул Фу Яньлинь и снова хотел было тяжело вздохнуть, но в последний момент сдержался. «Нет, моя удача и так сейчас на нуле, если я продолжу так вздыхать, от неё вообще ничего не останется».

- Если вам больше ничего не нужно, я пойду работать, - коротко объяснил Мо Сяобэй. - Ужин мы подаем в половине шестого; вы можете заказать что-нибудь по меню или, если пожелаете, сходить куда-то еще. Сразу направо от выхода, пройдя примерно триста метров, вы окажетесь на главной улице. Там по вечерам очень оживленно, и открыто множество ресторанов с

местной кухней.

С этими словами юноша ушел, заботливо и тихо прикрыв за собой дверь, чтобы не беспокоить нелюдимого гостя.

Фу Яньлинь с глухим стоном повалился на кровать, широко раскинув руки, и совершенно бездумно уставился в потолок. В какой-то момент электронные часы издали слабый, навязчивый писк: он лениво взглянул на экран – пульс 125, показатели снова поползли вверх.

Неудивительно, что он чувствовал себя настолько изможденным, а одышка с каждой минутой лишь усиливалась. Но Фу Яньлиню было уже всё равно. Он лежал абсолютно неподвижно, а его пальцы, согнутые в странном напряжении, словно куриные лапки, бессильно покоились на бедренных костях. Он прекрасно понимал, насколько нелепо и жалко выглядит со стороны, но сил даже на то, чтобы просто пошевелиться, больше не осталось. Зная, что всё это – следствие горной болезни и острого дефицита кислорода, он просто закрыл глаза, медленно погружаясь в тяжелое, вязкое забытие.

«Кто виноват, что твой отец не такой влиятельный, как у него? Смирись с этим! Если посмеешь обидеть его – твоя и без того узкая дорога станет еще уже!»

«Ты что, совсем с ума сошел? Неужели ты действительно отказываешься от такой невероятной возможности? Да на твое место очередь из желающих выстроится до самого горизонта! Я таких молодых и амбициозных, как ты, повидал немало. Кости у тебя, может, и твердые, но в нашем кругу сейчас полно молодых, красивых и податливых. Чего на самом деле стоит твое так называемое лицо?»

В полудреме перед его закрытыми глазами всплывали отвратительные, искаженные злобой лица, а тяжелые, удушливые воспоминания, словно ледяной прилив, медленно поглощали его сознание.

- А-а! - Фу Яньлинь внезапно вскрикнул и резко распахнул глаза.

Он с ужасом осознал, что во сне скатился с кровати прямо на жесткий пол, и этот резкий удар окончательно привел его в чувство.

Стиснув зубы от боли и раздражения, он с трудом поднялся, вытер холодный, липкий пот со лба и посмотрел на время – было уже шесть вечера. Он не ел весь день, и голод начал давать о себе знать, поэтому он решил выйти, хотя был настолько утомлен, что мысль о необходимости покинуть уютный номер вызывала внутренний протест. В памяти всплыл образ Мо Сяобэя –

тот, кажется, был здесь поваром, так почему бы не попробовать его стряпню?

Спустя несколько минут перед Фу Яньлинем уже стояла дымящаяся, ароматная миска рисовой лапши с соусом чжацзян: белоснежные нити лапши, жирный, обжаренный мясной фарш, хрустящая кислая капуста и щедрая ложка ярко-красного, острого масла с перцем. В любое другое время этот вид вызвал бы у него зверский аппетит, и Фу Яньлинь действительно почувствовал приятный аромат, но легкая, ноющая головная боль и давящее стеснение в груди не позволили ему по-настоящему насладиться едой. Блюдо оказалось слишком острым – слезы непроизвольно брызнули из глаз, и он зашелся в непрерывном, надрывном кашле.

Непривычный, суровый климат и еда, которая совершенно не пришлась по вкусу, довели его и без того расшатанные негативные эмоции до предела. Всё шло совсем не так, как он планировал в своих мечтах. Казалось, что его «спонтанное путешествие» вот-вот закончится, даже не успев толком начаться. В этот самый момент Фу Яньлинь почти искренне пожалел о своей опрометчивости и поспешности.

Он вспомнил, как за несколько дней до отъезда с непоколебимой уверенностью заявил своим друзьям: «Я, конечно же, продолжу следовать за своей музыкальной мечтой, чего бы мне это ни стоило». Его взгляд случайно упал на висящий на стене огромный плакат из фильма «Счастливы вместе»: Лесли Чун в тусклом, приглушенном свете прислонился к витрине, задумчиво опустив голову, чтобы прикурить сигарету. В тот день тон Фу Яньлиня был решительным и серьезным, как никогда прежде: «Пусть меня заморозят, плевать на всё. Мир огромен, и в нем есть множество мест, куда я могу отправиться. Что такое Гонконг? Всего лишь маленький клочок земли. Я хочу поехать на материк, найти там новое, чистое вдохновение для своей музыки. Может быть, однажды я доберусь даже до Буэнос-Айреса, увижу тот самый маяк, что стоит ближе всего к Антарктиде. Лесли Чун восемь долгих лет шел к своей славе, а я тем более готов подождать».

«Мой успех – это прежде всего заслуга старших, которые заботились обо мне и продвигали, заслуга моей компании и, самое главное, моих преданных фанатов. Вы – моя настоящая семья, спасибо вам огромное, я обязательно буду радовать вас новыми работами».

Погруженный в эти горько-сладкие мысли, Фу Яньлинь вдруг услышал знакомый, до боли знакомый голос. Он резко поднял голову: на экране телевизора появилось юное и вызывающе красивое лицо Хэ Кая. Юноша лучезарно улыбался, а под его глазом отчетливо виднелась маленькая красная родинка, которая придавала его образу легкий налет меланхолии и загадочности.

- Какой красавчик...

- И не говори, - в углу ресторана две девушки тихо переговаривались, смущенно хихикая.

Фу Яньлинь беззвучно усмехнулся, презрительно скривив губы. Он-то знал всю правду: вокальные данные у Хэ Кая были средними, если не сказать откровенно ужасными. Всё его «величие» держалось исключительно на профессиональных звукорежиссерах, которые днями и ночами кропотливо правили его голос, а так называемые «авторские песни», которыми он так гордился перед фанатами, писались за деньги наемными авторами. Но Хэ Кай был мастером в другом: он умел идеально выбирать ракурс, знал, как выглядеть максимально выигрышно, и виртуозно манипулировал своими поклонницами. Его фанатки могли выстроиться в бесконечную очередь от Центрального района до самого острова Ламма.

«Безумные бабы», - Фу Яньлинь, несмотря на всю свою привычную выдержку, с силой стиснул зубы, мысленно проклиная их всех. Он с содроганием вспомнил, как после того громкого скандала с Хэ Каем, вернувшись домой поздним вечером, обнаружил, что на его этаже внезапно перестал работать датчик движения. В кромешной темноте, пытаясь нащупать замок и открыть дверь, он обо что-то споткнулся. Подсветив пол фонариком телефона, он расширил глаза от истинного ужаса: весь порог был усыпан бумажными слитками для покойников и белыми хризантемами, а на листе желтой бумаги было четко написано его имя, перечеркнутое жирным красным крестом.

Фу Яньлинь тогда едва не подпрыгнул от испуга. Его пробрал ледяной холод, а волосы на затылке зашевелились от первобытного страха. Он отступил назад, дрожа от неистовой ярости. Это было уже слишком! Такое невозможно простить и забыть. Эти фанатики каким-то образом вычислили его домашний адрес и теперь открыто проклинаят его! Хэ Кай что, стал главой какой-то темной секты? Весь этот культ личности и суеверия - да всех их нужно просто пересажать в тюрьму!

От этих воспоминаний на душе стало еще противнее. Фу Яньлинь посмотрел на недоеденную, остывшую лапшу и с глубоким отвращением отложил палочки, а затем, словно вымещая накопившуюся злость, одним резким движением выбросил всю миску в мусорное ведро. Было уже девять вечера, в ресторане больше никого не осталось, и он решил, что пора возвращаться в номер и наконец-то лечь спать.

- Пожалуйста, подождите! Еда не пришлась вам по вкусу? - Фу Яньлинь как раз вставил сигарету в рот и уже собирался зажечь ее, когда позади него раздался тревожный, обеспокоенный голос.

<http://bllate.org/book/17942/1720707>